

М. Л. Андреев^{abc}

ORCID: 0000-0002-5170-7634

✉ mikhailandreev1@gmail.com

^a Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

^b Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)

^c Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

«ПРИДВОРНЫЙ» ЗАГОВОРИЛ ПО-РУССКИ

Рецензия на: *Кастильоне Б. Придворный* / Пер. с итал. П. Епифанова. — М.: Изд. группа «Азбука-Аттикус»; КоЛибри, 2021. — 640 с.

Для цитирования: Андреев М. Л. «Придворный» заговорил по-русски // Шаги / Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 336–343. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-336-343>.

Рецензия поступила в редакцию 21 декабря 2021 г.

Принято к печати 5 января 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 2. 2022
Book Reviews

М. L. Andreev^{abc}

ORCID: 0000-0002-5170-7634

✉ mikhailandreev1@gmail.com

^a The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)

^b A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

^c National Research University
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

“THE COURTIER” SPEAKS RUSSIAN NOW

A review of: Kastil'one, B. (2021). *Pridvornyi* [Trans. from Castiglione, B. (1981). *Il Libro del Cortegiano* (A. Quondam, Ed.). Garzanti] (P. Epifanov, Trans. from Italian). Izdatel'skaia gruppa “Azbukua-Attikus”; KoLibri. (640 p.). (In Russian).

To cite this review: Andreev, M. L. (2022). “The Courtier” speaks Russian now. *Shagi / Steps*, 8(2), 336–343. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-336-343>.

Received December 21, 2021

Accepted January 5, 2022

«Придворный» («Книга о придворном», Il Libro del Cortegiano) Бальдасаре Кастильоне (1528) — книга, важная в истории европейской культуры во многих отношениях. Во-первых, она стоит на переломе от прежней грубости нравов, которые следовало исправлять, к новой изящности нравов, которые следовало культивировать. Сочинения о хороших манерах, с которыми ее можно формально сопоставить, были в Европе известны давно, еще со Средних веков: сначала они писались на латыни, затем на новых языках; в Италии самое раннее, «Пятьдесят правил поведения за столом» Бонвесина да ла Рива, датируется еще XIII веком. В них излагались нормы общественного приличия, в том числе самые элементарные (не плюй на скатерть, отворачиваясь, когда чихаешь, не облизывай пальцы). Традиция такого рода сочинений была жива и во времена Кастильоне — о ней напоминает трактат Эразма Роттердамского «О приличии детских нравов» (1530) — нигде не исчезла и в дальнейшем, о чем свидетельствует «Галатео» Джованни Делла Казы, изданный через 30 лет после «Придворного» (и не рекомендующий справлять нужду на виду у всех, оглушительно кашлять и чихать, рассматривать после использования свой носовой платок и пр.). Эта традиция у Кастильоне не проявилась ни в малейшей степени, бытовой уровень Кастильоне не интересуется, его диалог задает другую традицию, где главное не элементарные приличия, а стройный поведенческий кодекс. Тем самым «Придворный» стоит у истоков всей салонной культуры последующих веков с ее концептом *honnête homme* («Благородный человек, или Искусство нравиться при дворе» Н. Фаре, 1630), с ее галантностью и дальнейшими ее превращениями вплоть до дендизма, да даже вплоть до идеала *homme comme il faut* в понимании Николеньки Иртеньева (безупречный французский и выхолненные ногти).

Во-вторых, «Придворный» принадлежит ко времени зрелости и полноты итальянского Возрождения — вернее, не принадлежит, а сам, своим существованием это время определяет. Таких произведений очень немного: «Неистовый Орландо» Ариосто, «Государь» Макьявелли — собственно, все. Ренессансность «Придворного» заключается не столько в его тематике, сколько в ее подаче. Тематика, конечно, тоже важна: набор идеальных человеческих качеств, спроецированных на реальную социальную роль. Но еще важнее ракурс, в котором она берется: общее (правило, идеал, совершенство) не отгорожено от отдельного (казуса, примера, индивида), не вознесено над ним, а непрерывно с ним взаимодействует. Сколь бы универсальным и абстрактным ни было формулируемое Кастильоне правило, в нем всегда сохраняется память о породившем его разнообразии. Ярче всего этот подход проявляется в центральном для диалога понятии, понятии грации. С одной стороны, это печать, которой абстрактное совершенство отмечает конкретного индивида, с другой же — это тот путь, который выводит индивидуальное к идеальному. Художественная культура Возрождения в целом строится на парадоксальном союзе отвлеченной нормы и индивидуального начала, но Кастильоне ближе кого-либо другого подошел если не к его воплощению, то к его осмыслению.

Странным образом «Книга о придворном» никогда полностью не переводилась на русский язык: ни пока она сохраняла прямую актуальность (в XVIII — начале XIX в. русская культура ориентировалась на более близкие и понятные европейские примеры), ни позже, когда за ней оставалось только

ее историко-культурное значение. Давно подступался к переводу «Придворного» О. Ф. Кудрявцев, но так до конца его и не довел: ограничился первой книгой и отдельными главами из четвертой [Дворецкая и др. 1996: 469–568]. Теперь мы имеем «Придворного» в полном виде, снабженного к тому же обширными комментариями и пространной статьей — все это принадлежит перу Петра Епифанова, продолжившего тем самым свое полезное и благородное дело по заполнению лакун в знакомстве русского читателя с итальянской классикой (он уже открыл для него «Аркадию» Саннадзаро и «Пентамерон» Базиле). Поздно, как известно, — это лучше, чем никогда. Можно теперь, по крайней мере, включать книгу Кастильоне в списки обязательного чтения для студентов-филологов.

Перевод высокого качества, выполнен в едином стилистическом ключе и никаких существенных вопросов к себе не вызывает. Из несущественных — не очень понятно, зачем переводчик изредка прибегает к словам, которые нельзя, конечно, назвать неологизмами (*стимул, ориентир, клаузула*)¹, но которые вошли в язык сравнительно поздно (*ориентир* не в специальном геодезическом смысле — вообще только в XX в.) и на общем стилистическом фоне перевода неприятно режут слух. Это тем более непонятно, что эти слова проходные, а вот для других слов, имеющих в диалоге Кастильоне значение почти или прямо терминологическое («грация», «аффектация»), переводчик находит русские аналоги (*изящество, нарочитость*), что неизбежно заглушает их терминологичность (О. Ф. Кудрявцев предпочел их сохранить). Это не порок — в конце концов термины Кастильоне выросли из обычных слов, но это все же сбив в общей переводческой стратегии. Некоторые вольности П. Епифанов позволяет себе в передаче синтаксиса: дробя длинные периоды (что в отдельных случаях, впрочем, оправданно) и даже разбивая их абзацами (что вряд ли допустимо). Стремясь к оживлению текста, идет на мелкие вставки — на уровне слов или вводных оборотов. Однако все это мелочи.

Издание, подготовленное П. Епифановым, адресовано, по его словам, широкому читателю, что должно сказываться — по идее — и на некоторых особенностях перевода, и на сопровождающем его аппарате. Аппарат, в первом приближении, этим ожиданиям не соответствует — и своей обширностью, и своей детализованностью, и своей углубленностью. Комментируются с большой подробностью имена, реалии, ссылки, реминисценции. Степень подробности и глубины явно превышает потребности «широкого читателя»: например, комментарий к возражениям Гаспара Паллавичино на апологию женщины, развернутую в третьей книге, отсылает к аристотелевскому понятию энтелехии и разъясняет его соотношение с энергией и эргоном. В то же время дискуссия о языке, идущая на протяжении нескольких глав первой книги, оставлена без комментария: и высказывание Федерико Фрегозо (в главе XXX), повторяющего главный тезис Пьетро Бембо в его эпохальных «Беседах о народном языке», и схема, рисуемая главным оратором этой книги графом Лудовико да Каносса и воспроизводящая трехчастный риторический принцип организации материала (в главе XXXIII). Один абзац П. Епифанов уделил этой теме в статье (с. 526–527), но при этом, указав на то, что языковой

¹ *Импреза*, впрочем, именно что неологизм, и, спрашивается, зачем вводить его на место давно прижившейся *эмблемы*?

вопрос в Италии и по сю пору не решен окончательно, а «доводы Кастильоне и сегодня звучат злободневно», ни словом не обмолвился ни о споре о языке, породившем в Италии первой половины XVI в. десятки трактатов, ни о том, что точка зрения Бембо, оспариваемая Кастильоне, в исторической перспективе победила. Понятно, что «широкому читателю» все это не нужно, но зачем ему тогда нужна энтелехия?

Статья, сопровождающая данное издание, называется «Крупницы человечности. Бальдассаре Кастильоне и книга его жизни», занимает больше ста страниц и посвящена в основном жизни, а не книге. О книге говорится на последних 20 страницах статьи (с. 514–538), причем часть из них отдана ее несуществующей русской истории. Именно в статье мы находим объяснение, почему издание, подготовленное П. Епифановым, не претендует на статус академического. В академической статье пришлось бы сказать и о традиции, от которой Кастильоне отстраняется (трактаты о хороших манерах), и о традиции, в которую Кастильоне вписывается (трактаты об образцовом гражданине от Цицерона до Пальмери и Платины, трактаты об образцовом ораторе, опять же начиная с Цицерона, трактаты об образцовом государе, включая Эразма Роттердамского), и о традиции, которую Кастильоне основывает. Пришлось бы сказать об истории текста: окончательный вариант «Придворного» предварен двумя редакциями. Нельзя было бы и избежать разговора о том, как, на каких основаниях и какими путями «Придворный» входит в свое культурное время.

Эту тему автор, правда, затрагивает, но по преимуществу в отрицательной форме. Он не согласен и с Л. Е. Пинским («Реализм эпохи Возрождения», 1961), и с А. Ф. Лосевым («Эстетика Возрождения», 1982), и с Л. М. Брагиной («Гуманистическая мысль эпохи Возрождения», 2004) — все они в тех или других выражениях утверждают, что в «Придворном» отразился гуманистический идеал человека. Его право, но аргументы у автора довольно странные: персонажи диалога, по его словам, весьма далеки от идеала (кто-то утверждал, что именно они его воплощают?), а сам идеал, «приписываемый» Кастильоне, искусственен и «довольно скучен» (с. 516). При этом работы Л. М. Баткина П. Епифанов обходит молчанием (хотя о них знает: в комментариях однажды ссылается на главу из книги Баткина о Леонардо да Винчи, посвященную Кастильоне), а они-то как раз демонстрируют совершенно другой способ вписать «Придворного» в ренессансный контекст — «скучным» (читай: тривиальным) его никак не назовешь.

Петр Епифанов ищет для идей Кастильоне другой контекст и находит его, как это ни удивительно, в поэзии провансальских трубадуров. Выработанный ими куртуазный кодекс и главное в нем — любовь к Прекрасной Даме и преклонение перед ней — оказывается для «Придворного» самым существенным идейным источником: «...этого словно не замечают многие, утверждая чисто возрожденческий характер его ценностей» (с. 520). Однако — возникает вопрос — какими путями этот комплекс идей и поведенческих моделей до Кастильоне дошел? Не исключено, что автор считает их прямыми: иначе зачем было бы вспоминать, что Ломбардия, родина Кастильоне, входила в ареал распространения провансальской поэзии, и зачем указывать, что Сорделло, итальянский трубадур, был фактически его земляком? Правда, жил этот земляк тремя веками раньше и никакими сведениями о том, где Кастильоне мог

познакомиться с провансальской поэзией, П. Епифанов не располагает, в чем и признается. Поэтому он указывает другой маршрут: сицилийская школа — новый сладостный стиль — Петрарка — петраркисты. С этим не поспоришь: таков вообще магистральный путь развития итальянской поэзии. Но ведь то, что из провансальского наследия дошло по этому маршруту до Кастильоне, дошло и до всех его современников, и до весьма отдаленных потомков: провансальская поэзия — общий исток для всей европейской любовной лирики, и в этом смысле пушкинское «Я помню чудное мгновенье» обязано провансальцам не меньше, чем идеи Кастильоне о куртуазии и о природе любви. А чтобы обнаружить их куда более близкий и менее фантомный источник, достаточно обратиться к ренессансным трактатам о любви, хотя бы к «Азоланским беседам» Пьетро Бембо, держащего речь об этом предмете в четвертой книге «Придворного».

В рассказе о жизни Кастильоне у Петра Епифанова тоже есть оппонент: называет он его лишь однажды, но возникает впечатление, что спорит с ним постоянно. Этот оппонент — Алексей Карпович Дживелегов, известный историк, много писавший о культуре Италии, автор, среди прочего, главы о Кастильоне, вошедшей в его книгу «Очерки итальянского Возрождения» (1929). Характеризует его П. Епифанов весьма нелестно: «успешно перековавшийся историк», который «мотивы большинства поступков Кастильоне трактует цинически, выдавая это за объективно-критический взгляд» (с. 479). Тут есть фактическая неточность: Дживелегову не было нужды «перековываться», еще до революции он придерживался материалистического подхода к истории духовной культуры; Возрождение как культурный переворот, стоящий в тесной связи с переворотом хозяйственным, — это тезис из его книги 1908 г. («Начало итальянского Возрождения»). Но есть тут и моральная несправедливость, «цинизм» — как-то совсем не про него. Достаточно сказать, что на защите диссертации М. М. Бахтина, где Дживелегов участвовал в качестве официального оппонента, он не только дал диссертации высочайшую оценку (хотя взгляды Бахтина были ему, безусловно, не близки), но и решительно поддержал выдвижение ее на докторскую степень (защищалась она как кандидатская) — материалы этой защиты очень ярко демонстрируют немонолитность советской историко-филологической науки, и Дживелегов оказывается отнюдь не в одном лагере с «ортодоксами», а рядом с А. А. Смирновым и Е. В. Тарле. П. Епифанов, повторяю, делает очень важное культурно-просветительское дело, но о своих предшественниках хорошо бы помнить; помнить, в частности, о том, что в 1930-е годы Дживелегов фактически возглавил беспрецедентную по интенсивности и широте операцию по ознакомлению русской культуры с культурой итальянской — в качестве редактора, переводчика, комментатора, автора вступительных статей (если взять только статьи к томам издательства «Academia», то это Мазуччо, Челлини, Вазари, Поджо Браччолини, Макьявелли, Гвиччардини, Фиренцуола, Боккаччо, Леонардо, Гольдони, д'Адзельо, Гверацци, Полициано, Манцони).

У Бальдассаре Кастильоне очень хорошая личная репутация, и прижизненная, и посмертная. Он «отличался тем, что его все любили», читаем мы во все той же, так не понравившейся П. Епифанову статье [Дживелегов 1998: 89]. Объяснялась эта всеобщая приязнь, по словам Дживелегова, врожденной

привлекательностью и огромным жизненным тактом. Далее исследователь подвергает анализу (сейчас бы сказали, деконструкции) этот привлекательный образ, закрепленный в портрете Рафаэля, и приходит к выводу, что несомненные положительные качества сочетались в Кастильоне с отсутствием сильных чувств, с равнодушием к личным и общественным трагедиям, с неглубокой верой, наконец, с жесткой классовой позицией, позицией помещика, феодала, предчувствующего уже близкое наступление милых ему времен — феодальной реакции.

У П. Епифанова — тот же отправной пункт, безупречная — почти — репутация, но идет он по противоположному пути, пути накопления положительных качеств, и рисует портрет, близкий к идеальному и во всем непохожий на портрет, нарисованный Дживелеговым. Автор «Придворного» «предстает нам <...> как человек, ведущий неравную борьбу с превратностями судьбы и социальными условиями за внутреннюю красоту, за лучшее не только в себе, но и в других <...> Кастильоне борется за любую самую хрупкую возможность для мирного сосуществования и творческого труда людей, за то драгоценное и вечное в европейской цивилизации, что не подвластно всем формам соперничества и вражды — классовой, межгосударственной, религиозной» (с. 515).

У Дживелегова и Епифанова примерно одинаковый круг источников, спрашивается, как возможен такой противоположный во всех отношениях итог? Отчасти это объясняется степенью доверия к тому, что мы в этих источниках находим. Епифанов верит чувствам, выраженным в письмах и стихах Кастильоне, Дживелегов склонен считать эти чувства поэтической топикой и гуманистической риторикой. «Сейчас же после смерти [жены] Кастильоне составил две очень красивые латинские эпитафии и написал много писем с очень красивыми жалобами. Но его горе ничему не мешало» [Дживелегов 1998: 92]. Кто не прав? Скорее, все-таки Дживелегов: ни наличие общих мест, ни использование риторических клише не является для старинной литературы заведомым признаком неискренности. Правда, и гарантией искренности тоже не является.

В жизни Кастильоне было два эпизода, с которыми идеальный его портрет согласуется плохо. Первый случился в 1521 г. в Риме: на скачках некий стражник (неизвестно, случайно или нарочно) помешал лошади мантуанского маркиза (чьи интересы в Риме тогда Кастильоне представлял) выиграть приз, и Кастильоне потребовал для него самого жестокого наказания, вплоть до казни. Дживелегов очень этим возмущен и видит здесь типичную психологию феодала; Епифанов (который как раз по этому поводу возмущается Дживелеговым) усматривает в этом письме попытку Кастильоне предотвратить разрыв отношений между Мантуей и Римом, на что, по его мнению, и была нацелена вся эта провокация. «Итак, перед нами не разоблачение “свирепо-безжалостного помещика”, по Дживелегову, а пример той тщательной осмотрительности, какую Кастильоне неизменно рекомендует придворному в отношениях с государем» (с. 481). Кому поверит читатель? Боюсь, что ни тому, ни другому. В версии Дживелегова его насторожит слишком грубый социологизм, в версии Епифанова — слишком явная натяжка.

Второй эпизод связан с откликом Кастильоне на «Диалог о том, что случилось в Риме в 1527 г.» Альфонсо Вальдеса, в котором этот секретарь Карла V, ставивший целью снять со своего патрона вину за разгром Рима, представил кровавую баню, учиненную ландскнехтами императора, как справедливое возмездие за грехи духовенства. В ответном послании Кастильоне неприятно поражает открытая апелляция к инквизиции, подкреплённая постоянными отсылками к еврейским корням Вальдеса. Дживелегов прямо называет это послание доносом. Епифанов, в отличие от случая со стражником, конечно, не может полностью Кастильоне оправдать, но по мере возможности избегает резких оценок, находя для своего героя различные смягчающие обстоятельства: здесь и особое отношение Кастильоне к Риму, который он считал второй родиной, и сложная политическая ситуация, и даже неважное состояние здоровья.

Сопоставление статей Дживелегова и Епифанова, очень похожих по своему целеполаганию (оба автора реконструируют внутренний мир своего героя, оба сравнительно мало заинтересованы его главным произведением), демонстрирует, как ненадежны подобные реконструкции, как они субъективны, как легко, в сущности, плюсы и минусы меняются местами. Чтобы «крупницы человечности» предстали перед читателем еще более рельефно, Петру Епифанову нужен и антигерой, это, разумеется, Макьявелли (для Дживелегова он, как нетрудно догадаться, как раз истинный герой своего времени). «Государь» Макьявелли «остаётся техническим руководством для тирана» (с. 523), мир для Макьявелли — «лукавая блудница», которую можно и нужно колотить и пинать (для Кастильоне — Прекрасная Дама, которой нужно верно и благоговейно служить). Оставляя в стороне вопрос о справедливости и глубине подобных характеристик, можно, по крайней мере, задаться другим вопросом: быть может, Макьявелли и Кастильоне вовсе и не прямые антагонисты, быть может, идиллия Кастильоне, обращенная в прошлое, и антиидиллия Макьявелли, обращенная к будущему, необходимы друг другу, отражают по отдельности какую-то часть правды и только в совокупности отражают ее всю? Но личное отношение автора к тому, о чем он пишет, для таких вопросов места не оставляет.

Личное отношение, однако, — свойство привлекательное, и, надо надеяться, оно привлечет читателя не только к статье, но и к главному, что это издание содержит, — первому полному переводу «Книги о придворном» Бальдасаре Кастильоне. Остается повторить вывод, затерявшийся в одном из предыдущих абзацев: то, что «Придворный» заговорил наконец по-русски, — факт весьма и весьма отраднй.

Литература

Дворецкая и др. 1996 — Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы / [Сост. И. А. Дворецкая и др.; Сост., авт. ст., коммент. и пер. О. Ф. Кудрявцев]. М.: Юристъ, 1996.

Дживелегов 1998 — *Дживелегов А. К.* Творцы итальянского Возрождения. Кн. 2. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 1998.

References

- Dvoretzkaia, I. A., et al. (Eds.), & Kudriavtsev, O. F. (Ed., Comment., Trans.) (1996). *Opyt tysiacheletii. Srednie veka i epokha Vozrozhdeniia: byt, nrvy, idealy* [Legacy of a Millennium. The Middle Ages and the Renaissance: Everyday life, customs and ideals]. Iurist. (In Russian).
- Dzhivelegov, A. K. (1998). *Tvortsy ital'ianskogo Vozrozhdeniia* [The creators of Italian Renaissance] (Vol. 2). TERRA — Knizhnyi klub; Respublika. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Михаил Леонидович Андреев

*доктор филологических наук
член-корреспондент РАН
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория историко-литературных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
главный научный сотрудник, Отдел
классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
Тел.: +7 (495) 690-50-30
ведущий научный сотрудник, Институт
гуманитарных историко-теоретических
исследований им. А. В. Поletaева,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, ул. Старая
Басманная, д. 21/4, корп. Л
Тел.: +7 (495) 772-95-90
✉ mikhailandreev1@gmail.com*

Information about the author

Mikhail L. Andreev

*Dr. Sci. (Philology)
Corresponding Member of RAS
Leading Researcher, Centre for Studies
in History and Literature, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Leading Researcher, Department of Classical
Western Literature and Comparative
Literary Studies, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str.,
25a
Tel.: +7 (495) 690-50-30
Leading Researcher, Poletayev Institute
for Theoretical and Historical Studies
in the Humanities, National Research
University Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4, Corp. L,
Tel.: +7 (495) 772-95-90
✉ mikhailandreev1@gmail.com*